

Элли Ван Хаутен

Эпоха Соло

или

Всё Включено,
Кроме **Любви.**

Эпизод
Пятый
Книга-Сериал

Элли Хаутен

Эпоха соло, или Всё включено, кроме любви. Эпизод Пятый

<https://litres.ru/74184588>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четыре подруги. Четыре истории. И один большой город.

Кейт, Моника, Симона и Шейла встречаются каждый четверг в маленькой кофейне с красной дверью, чтобы обменяться новостями, вином и правдой, которую больше некому сказать. Кейт пишет книгу об эпохе одиночества и боится, что сама станет её главным подтверждением. Моника считает годы вместо цифр в отчётах, ожидая, когда партнёр наконец решится. Симона гордо называет себя королевой соло-максинга, но вечерами разговаривает не с людьми, а с искусственным интеллектом. Шейла верит в любовь сильнее, чем в собственный опыт, и снова обжигается.

Каждый эпизод — отдельная история, но все четыре линии переплетаются в один большой сезон о том, каково любить, бояться и оставаться собой в городе, где легче найти доставку в три часа ночи, чем человека, который останется до утра.

Книга-сериал, выходящая эпизодами — как жизнь, где каждый четверг что-то меняется. Эпизод пятый

Содержание

Эпизод Пятый	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Эпоха соло, или Всё включено, кроме любви. Эпизод Пятый

Эпизод Пятый

Май в Лондоне — единственный месяц, когда город делает вид, что все его прошлые обещания были искренними: цветёт всё, что может цвести, туристы фотографируют розовые деревья на Аппер-стрит с таким восторгом, будто впервые видят фотосинтез, а местные жители смотрят на них с той смесью снисходительности и зависти, с которой смотрят на людей, которым ещё не сообщили плохие новости. Потому что май, как я успела заметить за тридцать четыре года наблюдений, обманчив: именно тогда, когда всё выглядит цветущим и обещающим, трещины, наметившиеся в апреле, решают, что пора определиться — зарости или разойтись окончательно.

Таблица «Интервью — эпоха одиночества» пополнилась ещё шестью строками, но я обнаруживаю, что чем больше историй я собираю у незнакомцев, тем меньше понимаю в собственной. Это, вероятно, называется профессиональной

иронией, а по-простому — тем, что я пишу книгу про близость, одновременно проверяя телефон каждые три минуты в ожидании, не напишет ли Бенедикт что-то, что развеет тревогу, которую сама же себе придумала.

I

Четверг. «Красный свет». Марко встречает меня в дверях с непривычно серьёзным лицом.

— Кейт, любовь моя, — говорит он, — сегодня я не буду шутить про грусть на вынос, потому что чувствую: у вас четверых сегодня разговор, для которого нужен не флэт уайт, а что-то покрепче с самого начала.

— Марко, ты официант или экстрасенс?

— В моём бизнесе это одно и то же после двадцати лет наблюдений за расставаниями за угловым столиком.

Слово «расставания» повисает в воздухе неприятным эхом, и я сажусь за наш столик с ощущением, что сегодняшний вечер будет из тех, что войдут в книгу не как забавная зарисовка, а как глава с более тяжёлым названием.

Моника приходит первой из троих, и я сразу вижу: труднее всего быть финансовым аналитиком, когда цифры в твоей собственной жизни отказываются сходиться.

— У меня новости, — говорит она, садясь, — и они хуже, чем собачий лосось.

— Хуже собачьего лосося я уже боюсь представить.

— Он вложил не две тысячи, Кейт. Он вложил семь.

II

История разворачивается медленно, деталь за деталью, как медленно раскрывается плохо упакованный подарок, который никто не хочет открывать до конца, потому что уже ясно, что внутри что-то неприятное.

Оказывается, две недели назад, вскоре после их «перемирия» и таблицы сценариев, Оуэн — тот самый друг Тома с собачьим лососем — объявил, что нашёл «ангела-инвестора», готового удвоить любую сумму, которую вложат основатели, но только если они соберут её до конца месяца, потому что «окно возможностей закрывается» — фраза, которую Моника, по её словам, слышала за карьеру раз двести, и каждый раз она означала одно и то же: кто-то хочет, чтобы вы перестали думать головой.

Том, вместо того чтобы обсудить это с Моникой, взял кредит наличными под небольшой процент — «временно, пока не вернутся дивиденды» — и вложил его сверх согласованной суммы, но обнаружилось это только потому, что Моника, проверяя их совместный кредитный рейтинг перед подачей заявки на рефинансирование ипотеки, наткнулась на новую кредитную линию, о которой не знала.

— Он взял кредит, — говорит Моника, и в её голосе звучит не гнев, а что-то более пугающее — усталое, ровное разочарование, — под нашу общую ипотеку как обеспечение. Без моей подписи, потому что кредит был на его имя, но фактически рискуя нашей квартирой, потому что если он не сможет платить, банк придёт разбираться с общим иму-

ществом.

— Это законно вообще? — спрашивает Шейла с искренним ужасом человека, для которого финансовые махинации звучат экзотичнее, чем разводы Генриха Восьмого, которые она преподаёт параллельно с литературой.

— Законно, — говорит Моника с горечью. — Отвратительно, но законно. Мы не расписаны, у нас нет совместного счёта, значит, формально это его личное решение. Только это моя жизнь тоже, потому что если его гениальный лосось не взлетит, я буду жить в квартире, за которую платит человек с испорченной кредитной историей.

— И что ты сделала? — спрашиваю я, откладывая блокнот, потому что чувствую: этот момент требует не наблюдателя, а подруги.

— Я устроила ему презентацию, — говорит Моника, и впервые за вечер в её глазах мелькает что-то похожее на мрачное веселье. — В ответ на его питч-дек. Я сделала свой. Называется «Последствия одностороннего финансового решения на совместное будущее». Слайд первый: доверие. Слайд второй: график падения доверия. Слайд третий, — она делает паузу, — фотография коробки с надписью «важное», в которой были три пульта и ни одной кастрюли, потому что, оказывается, это символизирует весь наш подход к серьёзным решениям.

— Ты правда сделала слайды? — Симона, кажется, одновременно в ужасе и в восхищении.

— Двенадцать слайдов, Симона. Я плакала, составляя третий, и была абсолютно спокойна к двенадцатому, потому что к тому моменту это стало терапией, а не презентацией.

— И как он отреагировал? — спрашивает Шейла.

— Он сказал, что дизайн слайдов у меня лучше, чем у него, — говорит Моника, и в этой фразе столько горькой иронии, что мы все смеёмся, хотя ситуация совсем не смешная. — А потом заплакал. По-настоящему. Сказал, что боится, что если не рискнёт сейчас, в тридцать пять, то никогда не рискнёт вообще, и умрёт клерком с идеальной кредитной историей и без единой истории, которую стоило бы рассказать внукам.

— Это неплохой аргумент, если по-честному, — говорю я осторожно.

— Это отличный аргумент, — соглашается Моника. — Только он не имеет права принимать его за нас двоих одновременно, ставя на кон крышу над моей головой без разговора. Я не против риска, Кейт. Я против того, чтобы узнавать о своей же жизни из кредитного отчёта.

Марко приносит просекко без вопросов, и на этот раз никто не шутит про то, что он экстрасенс — момент слишком тяжёлый для лёгкости.

III

Симона появляется с опозданием на пятнадцать минут, что для неё нехарактерно, и с выражением лица человека, который весь день репетировал разные версии одной и той

же фразы и так и не выбрал финальную.

— Феликс попросил меня переехать к нему, — объявляет она без предисловий, падая на стул.

Мы все синхронно поворачиваемся к ней с той резкостью, которая обычно приберегается для внезапных пожарных тревог.

— Это же прекрасно! — говорит Шейла с искренним энтузиазмом человека, для которого переезд к партнёру всё ещё звучит романтично, а не как логистический кошмар с ипотечными последствиями.

— Прекрасно было бы, — говорит Симона, — если бы я не отреагировала на его вопрос так, будто он предложил мне прыгнуть с самолёта без парашюта, но с презентацией о том, как приземление статистически безопасно.

Дальше выясняется, что вместо ответа Симона выдала Феликсу лекцию продолжительностью в семь минут о «архитектуре совместного проживания как факторе снижения индивидуальной автономии», ссылаясь на исследования, часть которых, по её собственному признанию, она придумала на ходу, потому что паника ускоряет не только сердцебиение, но и способность генерировать псевдонаучные аргументы.

— И что он сказал? — спрашивает Моника, которая сегодня явно ищет чужую драму, чтобы отвлечься от собственной.

— Он сказал: «Хорошо, что ты подготовилась, но я всего лишь спросил, хочешь ли ты держать зубную щётку у ме-

ня постоянно, а не разговаривал с тобой о слиянии банковских счетов». — Симона морщится. — Я не услышала вопрос. Я услышала угрозу. И моя нервная система среагировала на угрозу, а не на зубную щётку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.